СКАНДАЛ
на драконьем факультете
Тальяна Орлова

Тальяна Орлова

Скандал на драконьем факультете

Серия «Дракфак. Трилогия», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63596877
ISBN 978-5-532-17838-0

Аннотация

Мне очень нужно поступить в академию, ведь я одна из драконов! И пусть все утверждают, что это не так. Однако принимают туда только элиту, а я, крестьянская дочка, даже грамоте не обучена. Встреча с благородной дамой решила мою проблему: ей как раз в академии учиться незачем, ее туда богатые родители пристраивают, чтобы дочка удачно замуж вышла – разумеется, за молодого дракона. Так почему бы нам не помочь друг другу? И ничего, что факультет другой – важно оказаться как можно ближе к мечте!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 28
Глава 4 38
Глава 5 59
Глава 6 75
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Тальяна Орлова
Скандал на драконьем факультете

Глава 1

В первый раз я решила, что показалось. Просто глаза устали глядеть на вышивку под тусклой лампой, вот воображение и разыгралось: якобы по руке моей пошла какая-то рябь. Однако через секунду перламутровые отблески пропали, а мне осталось в очередной раз вздохнуть. Как ни крути, но это обидно – целый миг считать себя особенной, а потом вновь рухнуть в привычную реальность и вернуться к вышивке. Работу уже утром нести к торговцам, не время для пустых мечтаний. Больше не отвлекалась – это же судьба всех простых девушек: работать, работать, где-то в промежутке успеть выйти замуж, порадоваться, если муж окажется добр, родить ему пятерку детей и снова работать, работать, чтобы прокормить уже их. Нам с сестрами еще повезло – мать в детстве каждую на обучение в город отдавала, чтобы шитью научили, а за мастерство дают на медяк больше, как гласит народная поговорка. Потому я радовалась деловитости матери, но вышивку ненавидела не меньше, чем братья

– работу в поле. Спасалась лишь тем, что во время труда представляла себе разное: то заморскую страну с чудными птицами, то какой-нибудь ведьмовской дар, который у меня неожиданно открылся, то встречу с самым настоящим драконом – лучше бы в человеческом обличье, поскольку в натуральную величину они склонны много кушать, а я весьма аппетитно выгляжу – последнее я тоже в мечтах представляла, когда другие фантазии иссякали.

Вот только через неделю странность повторилась, и я уже не могла списать ее на усталость – возвращалась с поля, куда относила братьям обед. И уже за домовой оградой зачесала запястье от щекотливого дребезжания на коже. Почти сразу застыла, уставившись на руку. И перестала дышать, боясь спугнуть чудо – от кисти до локтя кожа волнами меняла цвет, проявляя отчетливую зелень. В горле воздух вообще комком встал, когда я разглядела небольшие ромбики – самые натуральные чешуйки, у рыб почти такие же. И, все так же боясь сделать вдох, пыталась соображать.

Не настолько уж я безграмотна, чтобы намек не понять. Знаю, что в мире существуют разные оборотни – волки, лисы, даже птицы. Но эта чешуя появляется только у одной разновидности – у драконов, самых великолепных из всех магических существ.

Вдох все-таки пришлось сделать. Наверное, до него следовало сначала выдохнуть – и теперь в груди больно заныло от нехватки места. Но я на такие природные мелочи внима-

ния не обращала, боясь надеяться. И еще сильнее боясь, что надежда сбудется. Вот только разум на место возвращался и подсказывал: во мне нет ни капли драконьей крови, как ни у матери, ни у отца, ни у дедов не было. Такие, как мы, безродные могут овладеть бытовой магией, иногда даже настоящие самородки появляются, да и ведьмы обычно рождаются у простых – вон, сколько их, магов без рода, без племени. Но оборотни свои дары передают по наследству. Да и драконов в наших краях не водится. Даже проездом не водится.

Да только иллюзия не исчезала. Наоборот, на одном участке застыла, и можно было даже пальцами другой руки пощупать и убедиться – стало плотнее, а края чешуек легко приглаживаются. Шаг к двери, еще один. Я слишком боялась оторвать взгляд от чуда – стоит только моргнуть, как все пропадет. На третьем шаге и начале крыльца уже придумала себе объяснение – честно говоря, оно было единственным, способным раскрыть причину происходящего.

– Ма-ам! – позвала громко.

Но она навстречу не вышла – была занята стряпней на кухне. Я распахнула дверь и сделала еще два мелких шага. Перламутр как будто начал розоветь, и это придало моему голосу настойчивой ярости:

– Ма-ам!

– Шо? – отозвалась она и тут же подбоченилась – терпеть не может такого тона.

Я вывернула руку так, чтобы и ей было видно.

– Мам, ты ничего не хочешь объяснить?

Ее глаза округлились, а полотенце полетело на пол, выроненное и забытое. Реакция матери подтверждала – она видит! И сердце забилось, как курица перед забоем. Ответ на мой вопрос уже не требовался: раз видит – значит, мне не кажется. А если мне не кажется, то причина может быть только одна.

Вот только и отец вынырнул из-за моей спины. И через пару секунд завопил с яростью совсем другой природы:

– Жена! Ты ничего не хочешь объяснить?!

Мама вдруг приосанилась, поправила полузабытым движением прическу, как какая-нибудь фривольная девица, снова подбоченилась и рявкнула сразу на обоих:

– А шо такое? Дочка, испачкалась чем?

Рисунок действительно бледнел, уже скоро от него и следа не осталось. Вот только я видела, как и родители – первую реакцию теперь ничем не прикрыть! Хм, родители… Похоже, папочка сейчас мамочке скандал закатит. Он, правда, добродушный – запала надолго не хватает. А мама деловита и напориста, в крайнем случае скалкой объяснит, кто в доме хозяин. Я же все еще отходила – осознание вливалось в меня постепенно, капля за каплей. И что светловолосая – единственная в рыжей семье – к тому же осознанию присоединялось. Нет, папу папой звать не перестану – чего бы вдруг переставать? Но мысли-то неслись дальше – вскачь, по полям, по дорогам, куда-то в направлении столицы. Это что же

получается, я дракон? Драконица? Пресвятые кикиморы, да без разницы – лишь бы хоть какая-то надежда на поворот судьбы!

Братья и сестры за ужином в происшествие не поверили – особенно когда все заявляли разное: я уже крылья пыталась расправить, отец мать нехорошими словами называл – правда, негромко, с опаской, что она во всей красе нрав покажет, а после такого вся наша деревня в другой деревне убежища просит, а мама же настаивала, что ничего такого не разглядела. И после сотого повторения я сама начала сомневаться. Обидно до слез. Вот быть бы мне хоть кем-то – пусть хоть волчицей, хоть сорокой, но это дало бы шанс на обучение, а значит, и на совсем другую жизнь. На ведьмовскую силу я уже давно не рассчитывала: у их племени дар рано появляется, к моим восемнадцати годам я не могла бы на этот счет заблуждаться. С другой стороны, оборотни вообще в младенчестве суть показывают…

Мама отчего-то злилась, но сестры мое расстройство заметили и в спальню за мной пошли.

– Я закончу твою работу, – сказала старшая, Стенька.

– Поспи, малютка, – жалостливо добавила средняя, Мирка.

Сама же села на пол и по руке гладить принялась, утешая:

– Ты ж и так особенная, это все видят!

– Видят, видят! – подтвердила Стенька, усевшись ближе к лампе. – И умница, и фантазерка!

– Какая же умница, если даже книг читать не умею? – сокрушалась я.

– А зачем их читать? – пожала плечами Мирка. – Перестань, Лорка, это все с юностью пройдет – вот еще немножко подожди, и пройдет.

Мне каждый сокрушенный выдох давался все сложнее:

– Что пройдет – желание мечтать?

– Ну да, – она не понимала до конца моего расстройства. – И хорошо, что ты не из драконов! Ты же знаешь, какие они!

Я перевернулась на спину и вздыхала теперь в потолок:

– Какие? Богатые и могущественные?

– Жадные и мстительные! – отрезала старшая. Подумала и дополнила: – Ну да, а как следствие, у них появляется богатство и могущество. Но все же хорошо, что ты не из их породы, Лорка. Я скупердяев на дух не переношу.

Прислушалась к себе – жадности во мне вроде бы никогда не водилось. Ну вот, и в этом несовпадение, а прижимистость драконов сомнениям не подлежит – про это даже чаще говорят, чем про их статусы и благосостояние. Все дело в их древних прародителях, которые тысячи поколений назад еще в людей обращаться не умели, но золото копили и охраняли даже ценой своей жизни. Теперь драконы иные, но самое главное – драконье – никуда не пропало. Так же, как оборотни-волки по тысячелетним традициям воют на полную луну. Так же, как оборотни-лисы передвигаются бесшумно – и плевать им, что ноги стали человеческими, оборотням во-

обще плевать на природные законы. А я же в детстве последней сладкой лепешкой с братьями и сестрами делилась… Эх, знала бы, что как раз на щедрости моя судьба переломиться не захочет, каждую крошку бы считала!

– Но я ведь видела, – повторила я уже в который раз.

Мирка вытянула шею и зашептала другим тоном – мы таким сплетни про соседей всегда начинаем:

– Сестренки, я ни на что не намекаю, – она сделала многозначительную паузу, – но волки всего в дне пути от нас живут. Не могло ли быть такого, что…

Старшая хохотнула, но с опаской глянула на дверь и замахнулась, чтобы та фразу не закончила. Вот только по глазам ее было понятно, что она тоже про что-то «такое» сейчас подумала. И заявила нейтрально:

– Нет, конечно, язык прикуси! Вот только с чего Лорка беловолосая уродилась, как никто из семьи? – и многозначительно поиграла бровями.

Мне их вера сил прибавляла, но аргументов не хватало:

– Да нет, сестренки, – я сокрушенно покачала головой. – Не шерсть то была, а самая натуральная чешуя! На солнце зеленью переливалась!

И на этом их вера в мои слова вновь угасла. Мирка пожала плечами и вновь погладила меня по руке.

– Лорка, да нет у нас драконов. А если бы хоть один за пятьдесят последних лет мимо проезжал, мы бы до сих пор об этом байки слушали.

И то верно. Так расстроенная я и уснула, а в следующие дни пыталась не думать, чтобы снова не впасть в апатию, хотя на руки то и дело поглядывала – не сама, глаза поглядывали, глазам моим очень хотелось еще немного чудес.

И через несколько дней дождалась – старший брат во время ужина вскрикнул, после чего вся семья дружно на ноги подскочила, указывая на меня пальцами. Одна я так и продолжала сидеть, но ощутила щекотку на шее. Заторможенно прикоснулась кончиками пальцев и теперь сама завизжала от восторга – теперь я понимала, что видят остальные.

Семейный скандал, вот только недавно немного утихший, вновь возобновился. Отец выкрикнул несколько слов, значения которых я даже не знала, а по краснеющему лицу матери догадалась об их значении. И завопил, продолжая тираду:

– А остальные дети от кого? У нас тут, может, целый зверинец, а я и не знал?!

– Какой зверинец? – отмахнулась мама и грозно глянула на него исподлобья. – Разочек случилось, зато глянь, какая Лорка уродилась – уж точно не в тебя!

Я папу в таком состоянии ни разу не видела. И такого визга от него не слышала:

– Я ухожу из этого дома! Ноги моей не будет рядом с такой женщиной!

– Ага, иди, – мама, наоборот, успокоилась. – И куда ты пойдешь, хрыч старый?

Ему действительно пойти было некуда, а в нашей семье

он всегда был тихой стороной – на фоне такой жены любой монстр выглядел бы тихой стороной. Потому осталось ему только закручиниться и удалиться в сени, где его принялись утешать уже мои братья. Мы же с сестрами от любопытства сгорали и друг на друга поглядывали, но так ни одна и не решилась на расспросы – знали же, что ответом только скалка в лоб прилетит.

Но еще за день я дозрела. Это же шанс! Самый настоящий шанс поехать теперь в столицу и заявить там всем, что я из драконов. Сразу на учебу поступлю. Когда выучусь – смогу богатство нажить, а как наживу – так и сестрам с братьями помогу. Треклятые кикиморы, я же жадной должна быть! Все, я жадная, точка, никому помогать не буду! Ну разве что… ладно, сначала учеба, а потом как-нибудь свою щедрость обуздаю.

Потому следующим вечером и спросила осторожно:

– Мам, мне в путь собираться уже можно?

– В какой еще путь? – она так удивилась, что удивила меня.

– Ну как же… в академию. На драконий факультет, – пояснила я, вжимая голову в плечи.

Она треснула кулаком по столу и толкнула в мою сторону миску с кашей – мол, займи рот пользой, а не чушь неси. Я и ела, глотая слезы обиды. Как же так? Неужели не отпустит?

Но вдруг такой же грохот раздался с другой стороны стола. Мы все вылупились на отца, от которого такой грозности

не ожидали.

– Лорка поедет в столицу! – заявил он решительно. – Ты совсем на старости лет спятила, дура распутная? Драконам нельзя без учебы! Они ж… драконы! – закончил так, будто больше никаких доводов не требовалось.

И старшая сестра подхватила, тоже зачем-то треснув по столу:

– И верно! Что ты, мам, делать будешь, когда Лорка в силу войдет и в чудище здесь обратится? Она же ничего не умеет! Сожрет нас всех и не подавится!

– Вообще-то, есть смысл в словах, – задумчиво подхватил старший брат. – Всех сильных магов в академии обучают, а драконы, если не путаю, сильнейшие из них. Не разметала бы Лорка тут все к едрене фене из-за нашей безграмотности.

И остальные начали поддакивать, вспоминая еще какие-то подробности, о драконах известные. Я радовалась – в поддержку родни по умолчанию верила, но еще ни разу в жизни никто не выступал против матери. И ей удалось снова заглушить всех самым громким стуком и самым громким ревом:

– Лорка не едет в столицу! И не дракон то был! Вы с чего вообще такое взяли?

В гробовой тишине я расхрабрилась подать звук:

– Мам, ну как же?

След с шеи еще вчера пропал и под пальцами не ощущался, но теперь-то к чему притворство – видели все! Ма-

ма вдруг отвела взгляд и как-то непривычно неловко пожала плечами. А потом заговорила тихонько:

– Не дракон то был.

– А что же? – отец закричал, не в силах сдержаться.

– Не дракон, – так же тихо, но уверенно повторила мама, ни на кого не глядя. – Полбутыля сладкой настойки, легкое приключение и змей-искуситель.

Она будто отца до сердечного приступа довести захотела. Папа уже качался, хватаясь за голову. И на выручку ему пришла Мирка:

– Мам, так мы о том и спрашиваем! Тут только один человек, которому ты все мысли раздавила, и еще пять – исключительно любопытствующих. От ответа же так много зависит, что мы и думать не станем, чего там восемнадцать лет назад сладкая настойка сотворила. Искуситель-то дракон?

– Нет! – упрямо повторила мать и посмотрела прямо на меня. – Нет, даже не мечтай. Всем известно, что драконы черноволосы аки бесы. А искуситель был – сами понимаете.

И все теперь уставились на мои белые волосы с еще большим удивлением, чем на чудо-чешую. Вообще-то, мама не соврала. У драконов глаза разного цвета бывают – в цвет чешуи, но волосы всегда иссиня-черные. Вроде бы… Насколько мы из разных баек слышали. Но ведь мы здесь, в месяце пешего пути до ближайшего драконьего замка, можем и ошибаться в такой мелочи!

– Может, крашеный? – пискнула я с надеждой.

– Точно, крашеный! – припечатала мать. – И ты оттого тоже крашеной родилась! Святые духи, нужны ли лучшие доказательства, чья ты дочь? Я такую логику только от твоего конопатого папаши и слыхала!

– А может, ты сама крашеная! – отец обвинял указующим перстом. – Тебе теперь ни в чем веры нет! И дочка поедет учиться! Если у нее есть хоть один малюсенький шанс в академию попасть, то она попытает удачи. Ты сама-то хоть мать ей, а то подозрительно счастья не желаешь?

На такой довод маме пришлось отмахнуться и согласиться со всеобщим гомоном. Ее первоначальный отказ был продиктован только страхом за меня, родненькую, которая в столице «обязательно пропадет».

Долго маму за проступок осуждать ни у кого не получилось. Это еще что! Вон у соседа слева вообще ни одного попадания – в смысле, все четверо детей подозрительно похожи на соседа справа. Село же! У нас тут развлечениями не избалуешься, потому и выбирают люди любые развлечения.

Весть о том, что во мне непонятная магия проснулась и что в столичную академию на поступление собираюсь, облетела село на следующий день. И хоть никого из соседей в подробности не посвящали, меня пару раз на рынке торговцы случайно «госпожой» назвали, когда готовую вышивку принимали. А я и не поправила – кикиморы только знают, насколько они правы. Ведь если я все-таки выучусь на драконьем факультете, а по окончании и соответствующий доку-

мент заимею, то в очень скором времени все государство будет меня «госпожой Лоркой» величать.

* * *

В дорогу провожали всем селом. Каждый мне пытался всунуть в руки сладость, медяк или очередную шаль. Я уже с ног до головы была завернута в шали, что жарким летом не шло мне на пользу. А мать вырывала следующий сверток, придирчиво оглядывала и, если не считала нужным, возвращала дарителю, а мне на ухо шипела:

– Не улыбайся им, не улыбайся, Лорка! Ишь, повыскакивали, шоб будущая госпожа их доброту не забыла, – и добавляла громче, чтобы все вокруг слышали: – А мы и не забудем, добры люди! Особенно не забудем, как вы наших мальчиков хворостинами гоняли за воровство яблок!

Вот кому бы драконшей стать – она и старые долги помнит, и новые считает, и в уме взвешивает, кому же кровиночка поможет в случае, если все на самом деле сбудется. Односельчане это понимали, и все равно пытались остаться в моей памяти самым доброжелательным лицом. Не считает мать одного – если бы не помощь соседей, то мне ни на дорогу, ни на проживание в столице денег бы не нашли. Потому так и сидела я на отъезжающей повозке, освещаемая сотней широченных и заискивающих улыбок. Улыбалась в ответ и махала длинным рукавом. И, едва только подали на

поворот, зажмурилась – от счастья и ужаса. Ужаса было даже больше. Оказывается, это очень страшно, когда тайные мечты сбываются – ведь мечтается-то легко, без промежуточных звеньев: вот я за вышивкой, а уже в следующую секунду – читаю магические книги или танцую на придворном балу, в мечтах моих ни разу не сквозила долгая дорога и вынужденная разлука со всеми людьми, которых я когда-либо знала. Еще страха прибавляла ответственность. Мне теперь попросту нельзя провалить столько чужих ожиданий, нельзя оказаться не драконова рода или по причине отсутствия грамотности провалить вступление в новый социальный класс. Ответственность оказалась непомерно высока, я через пару часов тряски даже пожалела, что мечта не осталась только лишь призрачной иллюзией.

Глава 2

Торговцы, взявшие меня в путешествие за сущие копейки, относились ко мне очень доброжелательно – наверняка тоже на всякий случай не исключали самое благоприятное разрешение моей ситуации. И хоть они – как я надеялась – от меня благодарности в будущем не ожидали, но и врага в моем лице заполучить не рисковали. А вдруг всерьез драконица? Это я пока милая и добрая, а как в силу войду – так каждого обидчика поименно вспомню. Ведь всем известно о жадности и мстительности этого могущественного племени.

Один пожилой купец меня и счету принялся учить, когда я ему о своих страхах рассказала. Вот только считать я и до сих пор умела, но урокам была рада – хоть какое-то развлечение в долгом путешествии. Он же меня посвящал в столичные нравы, а также давал советы, чтобы все шали в мешок сложила и добрым горожанам не показывала – засмеют. Всеми силами он пытался меня подготовить и поддержать, но от его россказней на душе только тяжелее становилось. Через неделю пути я была готова зарыдать и умолять, чтобы назад вернули. Ну ее, к кикиморам, эту столицу с академией. Спокойствие дороже любых фантазий! Вслух, однако ж, так и не призналась о своей трусости – все еще помнила сотню широченных улыбок вслед. От меня теперь ждут только самых лучших новостей, а никак не саму меня – в том же

состоянии, в каком уезжала. Я ехала все дальше и дальше от родных краев, подпитываемая только неподъемной ответственностью, о которой не просила. Зато считать научилась не хуже любого купца.

Мы проезжали много городов, а останавливались в поселковых тавернах, где цены за простой были пониже. И в каждой такой остановке я с содроганием отмечала изменения: чем ближе мы оказывались к столице, тем больше попадалось людей в дорогих костюмах и на хороших конях, тем чаще звучали непривычные словечки, а за комнаты требовали все больше медяков. Шумные поселения вгоняли меня в панику, я всякий раз пересчитывала оставшуюся сумму и понимала – из столицы уже не вернусь на повозке, средств не хватит. Мне теперь или в академию, или на службу для заработков. Не о том ли и говорила мать, когда отпускать меня не хотела? Она, всегда очень деловитая и боевая, единственная смогла посмотреть чуть дальше конца моего путешествия. И сдалась под уговорами моих защитников, которые представления не имели, что же происходит вдали от родного села. Она тоже не имела, но сейчас доказывала свою бытовую мудрость.

– Дядь Матош, – я снова обратилась к купцу после очередного города, – укажешь мне, если дракона встретим? Больно охота глянуть на живого…

Старик только смеялся:

– Ну и дурная ты, Лорка. Если встретим, то и указывать

не придется. Они ж, вельможи, всегда только с помпой катаются – за час пути услышим золотые бубенцы и рев прислуги. А ты пока от говора своего деревенского избавляйся, эти твои «дядь-теть» в столице курам на смех!

– А в столице есть куры? – обрадовалась я.

Но дядь Матош со смехом отмахнулся.

Сама столица меня парализовала. Она начиналась за много часов пригородами и усадьбами, замками и крупными поселками, она и тонула посреди низких домиков, незасеянных лугов и вечнозеленых парков, и возвышалась над ними городской стеной с великолепными башнями. Пропустили нас без проблем – стоило только показать бумажку с именем из сельского храма, но уже тогда я заметила некую отстраненность. Я ведь готовилась, что надо мной сразу вся столица примется хохотать, и вот она – столица. Не хохочет, а смотрит усталыми глазами стражника и подгоняет:

– Не стоим, не стоим! Дамочка, не перекрывайте проезд, тут без вас полно народу, чтобы пробки городить.

У дяди Матоша в столице не было квартиры, иначе он предложил бы хоть до утра отдохнуть. Да все торговцы сразу же вспомнили о делах и потянули повозки к шумному рынку. С каждым из попутчиков на прощание я обнялась, как с родным, слушая последние напутственные советы и пытаясь сдержать слезы нарастающего ужаса. Не потому, что за долгое путешествие они мне родными стали, просто хотелось сохранить в сердце ощущение, что еще недолго – пусть всего

до завтрашнего утра – в этом чужом мире будут существовать люди, которых я имею право обнять.

И поплелась с огромным вещевым мешком по мощеной улице в сторону, которую мне указали. Удивлялась на каждом шагу царящей вокруг роскоши и богатой одежде горожан. Заодно изумления прибавлял тот факт, что в меня так никто и не плюнул – посматривали только со вскинутыми бровями и слегка высокомерно фыркали. Для меня подобное происходило без ущерба, на другое и не рассчитывала. И подбадривала себя мыслью, что когда-нибудь, когда я стану настоящим драконом, фыркать уже никому в голову не придет.

Как я уже знала, даже благородные семьи в столице селились в квартирах – апартаментах в многоярусных домах. Роскошью они могли похвастать уже за пределами города, где располагались их поместья и родовые замки. Столица не столь уж велика, чтобы семьи могли прямо на ее территории отгрохать себе замки. Потому величественных строений было не столь уж много, к ним относился, конечно, королевский дворец и академия. Последняя располагалась на самом краю города и тоже была отгорожена от остальной части высокой стеной – ничуть не уступающей городской.

* * *

Академия магии – крупнейшая во всем королевстве –

встретила меня гигантской вывеской и неожиданным равнодушием. Охранник безразлично пожал плечами и заявил:

– Закрываемся уже скоро, потому поспеши к левому входу, там канцелярия. Документы принимают постоянно, но следующий семестр начнется только через два месяца.

Я обрадовалась отсутствию какого-либо презрения в мой адрес, поклонилась мужчине в пояс. Однако его совет оставить мешок при нем, пока документы подаю, проигнорировала – сделала вид, что не расслышала. Еще мать перед отъездом учила никому здесь настолько не доверять, чтобы все свои пожитки из рук выпустить.

Тяжелая дверь поддалась не сразу, а в узком коридоре, где я оказалась, было безлюдно. Но старик с огромной бородой и какими-то бесконечно уставшими глазами обернулся и деловито осведомился:

– На поступление? Тогда сюда, милочка. Так рано документы только приезжие подают. Чуть позже здесь будет не протолкнуться.

Я подавала бумаги из сельского храма трясущимися руками, старалась не озираться по сторонам. И без того, должно быть, выглядела здесь бельмом на глазу. Но утешало обращение «милочка» – очень нейтральное, без теплых эмоций в тоне, но и без открытого пренебрежения. Старик даже не удосужился окинуть взглядом мой наряд. Он уселся за дубовый стол и низко склонился над огромной книгой, судорожно ища чистую страницу.

– Есть ли экзамены, дядя? – я кое-как выдавила из себя насущный вопрос.

– На некоторые факультеты – безусловно, – он ответил монотонно, будто по тысяче раз в день выдавал подобные реплики. – Оборотню какие экзамены? Оборотень – он оборотень и есть. А все иные маги должны доказать, что маги. Но не волнуйся – столица заинтересована в поиске ценных кадров, потому и экзамены не сложны. Пусть лучше ведьма поучится, покажет себя, а вышвырнуть нерадивых всегда успеем. Ты же на ведьмовской?

– Нет, – мой голос прозвучал тихим писком. Иные мухи вопят о своем существовании громче. Но надо было продолжать – все силы собрать и продолжать, ведь этот момент и являлся решающим. – Я из драконов… дядя.

И вот он наконец-то воззрился на меня – да так пристально, словно я только что перед ним в воздухе обозначилась. Теперь и мой мешок, и одежда, и грязные после дороги волосы из его внимания не ускользнули. Мне стоило немалых трудов, чтобы не рухнуть в обморок. Сейчас потребует доказательств – а доказательства появляются не по моему велению. Но здесь же маги! У них наверняка имеется целый набор способов проверки! Взгляд его замер на моих волосах, да там и застыл. Похоже, байки о черноволосых драконах преувеличением не были, – я в этом изумлении старика приговор разглядела.

Но он в очередной раз поразил – так ничего и не сказав,

захлопнул книгу, которую до того терзал, и вытянул другую – с золотым тиснением. И листал теперь медленнее. Возможно, он вообще не был уполномочен задавать такие вопросы, но любопытство его снедало:

– А ты уверена, милочка?

– Уверена, – прозвучало еще тише, чем раньше. – Я видела на коже чешую. Все видели! И мамка, и папка, и Стенька, и Мирка…

Он перебил спокойно мои перечисления – а ведь я собиралась в крайнем случае и дядю Матоша с рынка призвать, который одну волну ряби собственными глазами лицезрел:

– В этом случае не имею права препятствовать.

Вот после этого заявления я подскочила на месте от радости. Неужели так просто – на слово поверил? Всего-то? И все мои страхи были напрасными! У меня даже спина за секунду выпрямилась, и мешок перестал казаться тяжелым. А разве могло быть иначе? Дракон – он и в Кингарре дракон!

– Так имя и писать – Лорка? – уточнил он, заполняя новую графу.

– Так и пишите, – милостиво, совсем по-драконьи разрешила я. В столице, наверное, такие имена в редкость. Но что ж поделать, привыкнут!

Старик аккуратно заполнил все нужные данные, после чего более торжественным голосом сообщил:

– Семестр начнется лишь через два месяца, дорогая Лорка. Оплату следует внести не позже, чем за неделю до начала

обучения.

– Оп-плату? – я споткнулась на слове.

– Разумеется, – он теперь смотрел на меня, не мигая. – Маги могут поступить по наличию способностей, а оборотни платят по своему статусу. Драконы сами нас разорвали бы, поставь мы цену ниже, чем у волков или лисиц.

– Да? – я все еще не могла до конца поверить в провал, потому по инерции задавала вопросы: – А я думала, что мы, драконы, жадные…

– Не без этого, – он равнодушно пожал плечами. – Но не в тех вопросах, где оценивается ваш, драконов, статус, – показалось, что произнес он даже без нотки сарказма. И окончательно убил: – За первый семестр две тысячи монет. Золотом.

Дубовый стол перед глазами начал размываться, но я каким-то чудом продолжала стоять на ногах и зачем-то переспрашивать:

– Золотом?

– Золотом.

Канцеляр, должно быть, тут на всяких уже насмотрелся, потому и не думал моргать или удивляться. Странно, что он не с оплаты разговор начал. Или ему до сих пор не попадались ученики, заявляющие о своей драконьей природе и не имеющие в кармане всего лишь двух тысяч монет. Золотом.

Я из последних сил пыталась соображать, хотя вообще от тумана больше ничего не видела. Плохо, что золотом! Вот

если бы серебром, тогда мне потребовалось бы ровно две тысячи лет для заработка.

Вскинула руки и махнула сверху вниз, чтобы он еще раз взглянул на мой сарафан. И вслух добавила, если не очевидно:

– У меня нет таких денег! – я серьезно преувеличила. До сего дня я была уверена, что во всем мире нет таких денег.

– Да? – он будто только теперь решил озадачиться и сокрушенно вздохнуть. – Тогда придется стирать твое имя из графы. Советую попытаться поступить на ведьмовской факультет.

– Но у меня нет ведьмовского дара, – на этой фразе я осознала себя все-таки больше мухой, чем драконом, так жалко она прозвучала.

И старик добил желанием помочь в моей проблеме:

– Тогда на факультет бытовой магии. Туда принимают любого, а колдовству учат на уровне, подходящем для хозяйственных нужд. Любого можно натаскать – хоть на магическую портниху, хоть на повариху. И стоимость всего пятьдесят монет. Золотом.

Больше я говорить не могла, хоть и не испытывала к канцеляру злости. А может, он получал извращенное удовольствие всякий раз, когда после короткой паузы добавлял «золотом»? Да хоть брульянтами! А мне надо выйти из этого душного коридора, глотнуть воздуха и как-то начать думать. Вещевой мешок тяжестью выламывал руку, а слезы обиды

застилали глаза. Как же так? Неужели мало родиться драконом, надо еще и жить как дракон? Как же так?.. И, самое главное, что теперь делать?

Глава 3

Я долго сидела на обочине, невзирая на усиливающуюся вечернюю прохладу. Старалась не рыдать и понимала, что пора двигаться – или выйти из столицы туда, где таверны подешевле, устроиться на ночлег, или бежать на рынок для поиска знакомых торговцев. Монет на обратный путь мне не хватит, а дядя Матош хоть и добрый человек, но остается торговцем. Придется падать в ноги и просить, чтобы взял попутчицу теперь в долг – а возвращать, похоже, снова всем селом будем. И далеко не факт, что на этот раз соседи так же радостно начнут предлагать помощь. Или все же остаться на ночевку, а утром попытаться устроиться на какую-нибудь работенку? Вряд ли кто-то захочет платить мне столько, чтобы на обучение хватило, но хоть бы вернуться домой без огромных долгов…

Но продолжала сидеть я не только по причине сложности выбора – просто чувствовала: стоит только пошевелиться, как мозг сорвется в истерию. Достаточно лишь головой двинуть или моргнуть – как все, я больше не выдержу. И тогда, вместо сложного выбора, начну реветь и продолжу до самого начала нового академического семестра.

Я так сильно погрузилась в себя, что вовсе не замечала происходящего вокруг. Мешок только крепко удерживала, инстинктивно и бездумно. И когда пальцы онемели, вспом-

нила о реальности – а вместе с реальностью на меня нахлынули звуки. Неподалеку собралась группа людей, из центра которой раздавался жалобный девичий плач. Одного этого звука мне хватило, чтобы глаза защипало с новой силой, – я будто извне команду услышала больше не держаться. Но вдруг подумала, что жалость свою лучше перенаправить на другого человека, тогда себя жалеть будет некогда. И начала воображать, какая же беда приключилась с той девушкой – должно быть, не меньше моей.

Вот только ее слезливые крики мою версию отвергали:

– Да отойдите вы от меня! – она визжала на окружение. И слуги послушно отступали в стороны, хмуро переглядываясь. А девица громко сокрушалась: – За что?! Вот скажите мне, за что? Лучше годы просидеть среди этих снобов и зажравшихся мерзавцев? Разве отец меня настолько ненавидит?

Ей что-то неловко отвечали, но, похоже, девушке и не нужны были их реплики. Она лишь больше расходилась, а отчаянье ее делало воздух вокруг тяжелым и черным. Поразили меня не ее гневные крики, и не богатый наряд, а что никто из слуг не догадался одеть госпожу теплее. Даже я в длиннорукавном сарафане озябла, а на ней было напялено нечто, вообще с трудом называемое одеждой: короткая юбка едва прикрывала колени, обнажая ноги, а плечи и вовсе голые, ни единой тканевой лямки. Я раньше считала, что только самые легкомысленные женщины способны нарядиться в такое

непотребство, у нее же голого тела больше, чем прикрытого! За недолгое пребывание в столице я видела нескольких женщин в мужских брюках, но и то не шло ни в какое сравнение с тем, что я видела сейчас. Девица была молода и светловолоса, но красоту ее лица невозможно было оценить из-за искривленного рта и опухших от слез щек. И, судя по ее состоянию, она здесь биться в припадке собирается как раз до начала нового семестра. Может, и дурная, может, и легкомысленно одетая, но вряд ли заслужила смерти от простуды.

Я остановилась, растянула веревку на мешке и вынула одну из шалей. А чего вещи жалеть? Я все равно оказалась на самом дне проблем. Подошла со спины и молча накинула шаль девице на голые плечи. Мне даже самой стало приятнее больше не видеть ее обнаженных телес. Развернулась, не ожидая окрика, и тут же содрогнулась от шумовой волны:

– Это еще что за барахло?! – девица почему-то объявила меня главным врагом и сорвала шаль. – Ты кто такая?

Терять мне уже было нечего, и даже для страха внутри места не нашлось. Все силы уходили на то, чтобы носом не шмыгать при ответе:

– Студентка. В смысле, могла бы быть студенткой, если бы мир был хоть каплю справедливей.

– Отсюда? – она указала подбородком на академическую стену, вмиг сбавила тон и нахмурилась. Осмотрела меня высокомерно и скривилась еще сильнее, чем до сих пор. – Не приняли, что ли? А мне расписывали, что на ведьмовской

всех ведьм берут, если хоть искра дара имеется.

Я развела руками, не в состоянии объяснить собственную ситуацию. Интересно, почему все подряд меня за ведьму принимают? Не потому ли, что в такой одежде только из лесов выйти и можно? Девица, казалось, сначала собиралась отбросить шаль на мостовую, но потому забылась и начала комкать в руках, вновь погружаясь в свою апатию, перемешанную со злостью непонятно к кому:

– Так и радовалась бы, дура! Четыре года! Вся молодость драконам под хвост! И на кой хрен такие муки? Я ж оттуда выйду, когда мне двадцать три стукнет. Двадцать три, мать-перемать! – она сокрушалась, заламывая руки. – Старухой выйду! Измученной этими их науками! И ради чего? Чтобы тесто дрожжевое лучше поднималось? Или чтобы оттуда меня выпустили уже замужней?! Вот ты, ведьма, хоть ты мне скажи, за что отец так возненавидел родную кровиночку, чтобы на четыре года от звонка до звонка меня в этом серпентарии заточить?

Я сказать не могла – и вовсе не потому, что не была ведьмой. Ее беду мне вообще было трудно разделить, а голые плечи и почти вываливающаяся из корсета грудь бросалась в глаза и мешала сосредоточиться на ее словах. Но что-то было между нами общее – это место и единая трагедия, заставшая в конкретный момент. Я с опаской поглядывала на слуг, но они топтались в стороне и никакого участия в утешениях госпожи не принимали – видимо, замотались к это-

му времени принимать или осознали тщетность. К счастью, моя помощь ей не требовалась, девица перешла на жалобный скулеж:

– Понимаешь? В жертву меня приносят! Отец решил, что иначе я замуж за купца выскочу. Ага, как будто самый худший из купцов не лучше всего этого заносчивого отребья! Как будто с драконами по-человечески общаться можно, не затыкая в глотку все свое самолюбие! А ястребы лучше? А волки лучше? Ну… драконов-то любой лучше, но при таком замужестве всю жизнь гнезда вить или на луну выть… – и она завыла, подтверждая свои планы на будущее. – Я даже сразу выбрать не могу, за кого из них ху-уже!

И мне вдруг показалось, что она услышит – никто меня не услышит, кроме такой же отчаявшейся души. Особенно подкупило то, что шаль на землю так и не полетела, – это могло быть неявной формой благодарности. Потому и я залепетала:

– А мне, наоборот, хотелось туда попасть. Всю жизнь мечтала и кое-как до этих мест добралась. А теперь проще с голодухи помереть, чем позор возвращения в село пережить. Барыня, – я понятия не имела, как к ней обращаться, потому выбрала самое нейтральное слово, – не печальтесь так. Вспомните о том, что ваша беда – это чья-то мечта!

Ее взгляд неожиданно прояснился. Она выпрямилась и уставилась на меня пронзительно, чуть сузив глаза.

– Мечта? – заговорила задумчиво. – А если нам каким-то

образом рокировку устроить? Пусть все мечты сбываются, а эта тряпка, – она приподняла шаль, – будет началом большой дружбы.

– Госпожа! – воскликнула одна из служанок нервно.

Но девица вскинула руку, после чего прислуга начала прикрывать рты ладонями. Я реакцию уловила, но предложение девицы не до конца поняла, поскольку новомодных слов не знала. Но она ждала ответа и, похоже, предлагала что-то чрезвычайно интересное. И до меня наконец дошло, что именно:

– Неужто на работу меня примете, барыня? Примите! Кикиморами клянусь, я шитью обучена! Грамоту не знаю, но вы не будете разочарованы в моем усердии!

– Нет-нет! – теперь она так же вскинула руку, но уже в мой адрес – мол, моя очередь заткнуться. И говорила теперь деловито, с неожиданным спокойствием: – Я о другом. Ты на ведьмовской хотела? А если на бытовую магию?

Я покачала головой, а плечи тянуло к земле непомерным грузом сегодняшних забот. И неизвестно зачем все же объяснила:

– Нет, барыня. Мне на драконий факультет надобно.

Она начала смеяться до того, как удивленные глаза вновь приняли обычную форму. Громко, неприкрыто – и с теми же слезами, которыми омывала свое недавнее горе.

– Куда? – она и слова с трудом от хохота произносила. – Нищая неграмотная драконица-блондинка?! Девица из ле-

сов? Ты б уж сразу во дворец с таким заявлением шла – скажи там, что потерянная наследница какого-нибудь престола! Поскромничала?

Спина моя сама выпрямилась, а подбородок взлетел вверх. Да, я знаю, что бедна, но не нищая – с детства обучена трудом на хлеб зарабатывать. И оскорблений не заслужила. Потому развернулась на пятках и пошагала от этой истерички, в которой по ошибке пыталась разглядеть сестру по несчастью. Даже шаль не прихватила – пусть подавится. Пусть при ней остается хоть что-то от честного человека!

Где располагался рынок я точно не знала, но решила для начала проделать путь до городских ворот. А там поинтересуюсь. И придется умолять торговцев каким-то образом помочь в моей судьбе, выходов-то никаких. Но через несколько минут меня окликнули:

– Девка! Как там тебя? Эй, девка, постой!

Барышня, подхватив и без того недлинную юбку, неслась за мной следом, а за ней спешила запуганная свита – и было непонятно, то ли они до меня тоже докричаться пытаются, то ли до своей взбалмошной начальницы. Она запыхалась и, остановившись передо мной, затараторила:

– Очнись, девка! Ты не дракон! Но если поумеришь амбиции, то мы все еще можем друг другу помочь. А что? Меня здесь никто не знает, слугам языки прижму, отец в приграничном городе остался. Раз мечта – так иди и страдай в этом приюте высокомерных снобов и порть зрение за старинными

талмудами. И пока ты на факультете бытовой магии будешь мой срок мотать, я вполне себе неплохо в столице поживу.

– Что? – я опешила. Говорила-то она на понятном языке, но смысл был настолько велик, что сразу в мыслях не укладывался. – Вы… вы серьезно?

Я не о том мечтала. Хотя вру – в последний час я мечтала лишь умереть без мучений. И вдруг странная особа повернула ситуацию таким боком, который и в голову-то здоровую не пришел бы. Факультет совсем другой, не драконий, но разве любой факультет в самой настоящей академии – это не сто шагов к главной цели? Я смотрела на девицу громадными глазами, боясь, что прямо сейчас этот миг вновь сменится беспробудной тоской. Смотрела – и очень сомневалась, что меня каким-то образом можно выдать за нее. Никто на свете не поверит. А канцеляр видел мое лицо, он-то уже свидетель против нас обеих. И я представления не имела, какая может лежать пропасть между разными факультетами и смогу ли я хоть каплю нужных знаний там почерпнуть… Не было ни единого аргумента, чтобы согласиться, однако я слышала свой голос – он без пауз повторял о моем согласии. Разум подключился и заставил сменить заевшую на языке реплику:

– Барыня, но как же мы это устроим?

– Для начала прекрати использовать это архаичное слово! – отрезала она, уже тоже непонятно чему радуясь. – У нас с тобой впереди два месяца, чтобы тебя любым способом сделать похожей на меня. Займемся тобой так, чтобы

незнакомец и не догадался, что ты из леса вынырнула! Безграмотная, говоришь? – она уже прикидывала в уме план занятий. – Два месяца мало, но что-нибудь сотворить успеем! Да и откуда им знать, какие девицы из приграничных городов на поступление едут? Хорошие серьги перекрывают все сомнения!

Я качалась, зажимая голову руками, чтобы она не развалилась на куски от накатывающих волн надежды. Сделаю все, что скажет! Ночи спать не буду, не присяду, научусь читать и писать, реверансы вытанцовывать и по-столичному болтать. Что угодно сделаю… ну, кроме того, что надену такое же развратное платье.

Она тащила меня за локоть обратно – к крытой повозке. Слуги все отважнее голосили за нашими спинами и пытались хозяйку образумить, но она не слушала, зато очень страшно шипела, если кто-то осмеливался произнести фразу до конца и отчетливее других:

– Рот закрой, Сорка! Или ты сомневаешься, что папенька меня любит? Или сомневаешься в моем характере? Так посмей ему сообщить, а я ему сообщу, что ты мне пощечину залепила, и не будет у тебя больше ни дома, ни жалованья!

Такой неприкрытой диктатурой она все протесты на корню и пресекла. У меня ноги давно стали ватными, а улыбалась я почти безумно. Знала, что затея может в любой момент провалиться, но появилась возможность хотя бы не прямо сегодня думать, как жить дальше. Характер у госпожи

Клариссы оказался тяжелым, но это и сразу было ясно. И я делала для себя вид, что этого не замечаю, – какая разница, какой у нее характер? Кивала уже в повозке, соглашаясь с ее восторгами, что у нас имена очень похожи – добрый знак! Ничего похожего в наших именах я не расслышала, но кивала и кивала, как если бы на остановке в этом движении могла закончиться сказка.

Глава 4

Госпожа Кларисса жила в хороших апартаментах на центральной улице. Я старалась не вздрагивать от роскошной мебели и занавесок с плотным тиснением, внимательно слушая каждое ее слово. Эта девушка в жизни не пропадет. Теперь бы и мне не пропасть, ведь не только ее, но и себя подведу.

Чуть поразмыслив, я даже ее мотивы поняла: Кларисса очень избалована, а недостатка в деньгах ее отец никогда не испытывал. Таких девиц стараются удачно замуж пристроить, но в том случае она уже хозяйкой в доме не будет: выйдет замуж за дракона – так и будет до старости благодетелю в ножки кланяться. Бедность ей и без подобной спорной партии не грозит, зато она уже сейчас всем нутром противится любому давлению. То есть несмотря на все ее отрицательные черты, я признавала за Клариссой самую настоящую женскую мудрость.

Мне выделили для жилья каморку, поскольку все небольшие комнаты уже были заняты прислугой. Отец на содержание любимой дочери не скупился. Сам он был не благородного семейства, состояние нажил на торговле заграничными шелками и редкими лекарствами. Человеком стал богатым и уважаемым, не хватало ему лишь одного – титульного признания. Да еще и судьба распорядилась так, что сделала его

счастливым отцом сразу трех дочерей. Младшей еще и десяти лет не исполнилось, старшая успела выскочить замуж за неплохого паренька из дельцов, и именно ее скоропалительное решение вогнало «папеньку» в ужас – понял, что или поучаствует в судьбе Клариссы, или средняя дочь сама за себя решит, то есть в очередной раз сделает тупиковый для семьи выбор. Кларисса к тому же являлась красоткой по провинциальным меркам, богатый отец устал отгонять от нее всех ухажеров, потому и решился на учебные столичные выселки. Так и заявил перед отъездом, что пока любимица его заблуждается, но за четыре года совместного обучения рядом с благороднейшими сынами отечества пересмотрит приоритеты. Кларисса не то чтобы совсем к наукам не склонна была – она получила хорошее образование для своих лет, но сама постановка вопроса ее выводила из себя. Она в подробностях пересказала мне эту историю, избегая погружения в причины ее нежелания провести все молодые годы рядом с высокопоставленными учениками. Но и по ее обмолвкам я с легкостью поняла проблему – и, как ни старалась, не могла ее разделить. Просто Кларисса глубину моих проблем даже представить не может, ей невдомек, что высокомерное к себе отношение можно вообще не брать в расчет на фоне других трудностей.

О главном мы договорились сразу. Да почти ничем и не рисковали – если наш обман раскусят, то меня вышвырнут из академии, то есть формально вышвырнут госпожу Клариссу

Реокку, ее же обяжут заплатить административный штраф за нарушение порядка. Даже это она только предполагала, ведь раньше подобных случаев не происходило. Ну и папенька мигом окажется в столице, дабы начистить нам смелые девичьи шеи за авантюру. Если я правильно уловила, Клариссе светит только огромный скандал рассвирепевшего родителя, а мне – самый гигантский в жизни пинок под зад. И такая формулировка меня не ужаснула: я попросту не могла объяснить госпоже, что самый гигантский пинок мой зад уже перенес – когда мне отказали в академической канцелярии. Все остальные действа с моим мягким местом больше в расчет не идут.

Крохотность каморки тоже не играла роли, особенно когда я поняла, что времени для сна мне не предполагается. Кларисса в тот же день усадила гувернантку обучать меня алфавиту, я после долгой дороги даже ванны не дождалась. Но не роптала – старалась хоть что-то запомнить. А перед рассветом гувернантка засопела прямо за столом, и я невольно последовала ее примеру. Через некоторое время проснулась госпожа и выдала нам обеим по учебному подзатыльнику.

Раньше мне казалось, что я работала денно и нощно, но я ошиблась – настоящая каторга началась лишь после знакомства с Клариссой. Без отдыха и восстановления сил усердия уже не хватало, но она подгоняла и подгоняла. Не хвалила, когда я начала читать по слогам, не впала в восторг, когда другой учитель похвалил мои навыки счета, а лишь добавля-

ла все новых и новых задач. Кажется, впервые я нормально поела только через неделю – и то по причине, что госпожа сорвалась на рынок, чтобы заказать швею для обновления моего гардероба. Этот пункт я отстаивала как важнейший – мы с ней были похожи телосложением, но я открыто заявила, что в ее нарядах позабуду не только буквы, но и собственное имя – вернее, ее имя.

Знания мне давались с трудом, и самой большой проблемой неожиданно стала не письменная, а устная речь. Меня то и дело одергивали, приказывали навсегда позабыть какие-то сельские словечки, взамен накидывали другие, столичные. Самой мне казалось, что через месяц такой интенсивной подготовки я сделалась совершенно иным человеком – ничего общего с деревенской дурехой, хотя бы на первый взгляд, но Кларисса от любой неточности впадала в ярость или апатию, заверяя всю улицу: «Мы пропали!».

Устроила ее во мне только внешность. Волосы мои после воздействия умелиц засияли ярче, кремов и масок я перенесла невероятное количество – в принципе, меня и не отпускали спать без того, чтобы не извазюкать всю очередной пахучей смесью. И ведь нельзя сказать, что моя кожа была в каком-то плачевном состоянии – ничего подобного, но Кларисса тщательно следила за тем, чтобы ни руки мои, ни мешки под глазами не выдавали тяжелой жизни. Ну да, как будто она сама не видела, что я в столицу без таких мешков приехала, какие заполучила уже в процессе ее жестокого обуче-

ния!

Впервые я начала выходить на улицу уже на второй месяц – Кларисса называла это «экзаменами в академию». Мы шли рядом и наблюдали за реакцией горожан – поглядывают ли они на меня теми же глазами, которыми смотрят на нее, склоняет ли голову торговец, когда я, а не Кларисса, подхожу к прилавку с тканями, улыбаются ли от моей речи, когда я начинаю торг. И поначалу я сама угадывала в их поведении оценку, а успокаиваться начала, лишь когда посторонние перестали выдавать недоумение или изумление от того, что какую-то выскочку нарядили в парчу.

Как же раньше, сидя за вышивкой, я мечтала оказаться в подобной жизни! И как же теперь смеялась над своими заблуждениями. Понятное дело, богатые дамы не обременены тяжким трудом, зато обременены другим – попробуй-ка весь день носить тяжелое платье из непроницаемой для воздуха материи, когда ребра сжаты корсетом, а на улице стоит страшная жара. Кажется, мир все-таки справедлив: он делает людей таковыми, что в случае отсутствия трудностей они сами себе трудности и выдумывают. Наподобие: ах, мне не нужно колоть пальцы швейной иглой, потому не сдавить ли мне ребра до боли, чтобы существование смысл приобрело?

И по этому поводу я не высказала ни одной претензии. Уже узнала, что академическая форма намного удобнее, мне не придется четыре года дышать только гортанью, но первое впечатление произвести я обязана – по одежке ведь встреча-

ют. И Кларисса Реокка, дочь богатого купца, не может явиться на вступление или академический праздник в чем-то дешевле стоимости сельского дома.

Кстати говоря, за все время бытия в апартаментах Клариссы, чешуя на моей коже ни разу не обозначилась. С одной стороны, это говорило не в пользу моей главной надежды – столько времени спустя мне было легче себя убедить, что всей моей семье померещилось, но зато служило дополнительным аргументом для поступления именно на бытовую магию, куда принимали всех бездарностей, способных заплатить.

С канцелярией уладилось без проблем. Кларисса сама подала документы и внесла оплату заранее, пока там не было скопления абитуриентов. Вышло так, что по лицам нас могли распознать только старик-канцеляр и несколько заполошных секретарей. И мы, вооружившись безмозглой отвагой юности, делали уверенную ставку на старческую подслеповатость и другие хлопоты.

* * *

Ко дню зачисления я ощущала себя минимум королевой – манерной, разодетой, осанистой и образованной согласно статусу. Кларисса отчего-то почти рыдала и все чаще бубнила под нос речь, которой будет объясняться перед папенькой за проделку. Утром она переоделась в простой наряд, что-

бы хотя бы в самом начале составить мне компанию – подстраховать на случай непредвиденных обстоятельств. Однако охрана остановила ее на воротах:

– Куда пошла? Если бумаг о приеме на обучение нет, разворачивайся! А ведьм еще вчера всех приняли! Так что ты или бумагу предъяви, или дуй до следующего курса гулять!

В таком тоне с госпожой Клариссой никогда не разговаривали ни до, ни после того дня. Она буквально застыла с открытым ртом и на прощание мне слова не бросила. Мне же пришлось передвигать ноги, пока я не смешалась с шумящей толпой прибывающих.

По академическому порядку прием разбросали на целую неделю. Первыми устраивали ведьм, потом наступила наша очередь – факультета бытовой магии, а после нас еще несколько дней будут заселять в корпуса до отказа всех остальных студентов. Последними – ну кто бы мог подумать? – явятся их снобские величества драконы. Не по положению им просиживать в корпусах униформу задолго до начала занятий.

Бумаги мои были в идеальном порядке, а вот руки сильно дрожали. Я вместе с толпой втекла в шумный зал и пристроилась к очереди для внесения в реестр. За все время не сделала ни единого полного вдоха и часто моргала, чтобы привести зрение в порядок. Возможно, ко мне кто-то из студентов обращался, о чем-то спрашивали или пытались обменяться сведениями, но у меня язык прочно прирос к небу, а в

голове крутилась одна и та же фраза Клариссиным голосом: «Спину ровно держи! Что бы ни случилось – держи ровно спину. Можешь имя мое забыть, как и свое заодно, но с прямой спиной ты сможешь прикрыть свою забывчивость!».

На самом деле ничего ужасного не происходило – я перемещалась туда же, куда и все, получала прямо в руки какие-то листы, слушала распоряжения, каждое из которых смогу чуть позже обдумать. За большой стойкой выдавали форму – учебу посещать в своем было настрого запрещено. Мне в спешке передали сверток с одеждой, лишь оценив фигуру прищуренным взглядом, и сунули под нос твердую табличку. Вот он и момент истины, который решит всю мою судьбу. Я вместе с Клариссой тренировала этот миг тысячу раз, потому палец, хоть и дрожащий, вскинулся сам и аккуратно прочертил на шершавой поверхности знак – роспись учащегося за получение формы. Девушка сразу после меня с тем же обратилась к следующей студентке, что означало успешное прохождение этого шага. Все, сделано! Бумаги приняты, а роспись принята на ура, никому и в голову не пришло удостовериться, меня не попросили что-то прочитать или проверить грамотное письмо – а с этим до сих пор были серьезные проблемы. Победа!

Развернулась на круглых каблучках, прямо как Кларисса… и, прямо как Кларисса возле ворот, разинула рот и остолбенела. Передо мной стоял старик-канцеляр и глядел в упор. И сделать вид, что глядит он не на меня, а на кого-ни-

будь еще, не представлялось возможным.

Предыдущие победы я списала коту под хвост – или, как меня учили выражаться, аннулировала. И плечи сразу поползли вниз, как если бы я все еще носила с собой тяжелый вещевой мешок. Поползли, будто бы меня не лупили между лопаток все последние недели…

Кларисса ведь учила не сдаваться. Так и говорила – если я сдамся, то она сначала нагоняй от папеньки прохватит, а потом всю мою родню до седьмого колена вырежет. Шутила, наверное. Но лучше все-таки не сдаваться так сразу. Потому я и озвучила единственную назревшую фразу:

– Доброе утро, господин. А как вы здесь относитесь ко взяткам?

Ну как озвучила… Если мои плечи поползли вниз, то возможности речи пробили пол. Судя по всему, раздалось что-то наподобие «бе» и «ме» в различных комбинациях и отчего-то баритоном. Чему можно научиться за два месяца? Не дышать взатяг, читать по слогам и писать через пень-колоду, сотню старых слов заменить двумя сотнями новых и красиво водить по воздуху рукой для создания образа великосветской дамы. А вот не терять самообладания за такое время точно не научишься…

Старик в моем блеянии, должно быть, расслышал что-то свое или постеснялся признаться, что ничего не расслышал. Потому выбрал ответить нейтральное:

– О, драконица без монетки в кармане? Выбрала бытовую

магию? Прекрасное решение!

И потопал дальше, спеша передать секретарям какие-то папки. А я держалась в воздухе одной силой воли и училась для начала хотя бы моргать.

* * *

Свое место в факультетской иерархии я осознала быстро – мне его тут же показали. Самым печальным было положение ведьм – простых девчонок из деревень, принятых сюда без гроша в кармане и, соответственно, не имеющих никакой поддержки извне. Парней среди ведьм не существовало, по какому-то странному принципу редкие представители колдунов, то есть мужчин-магов, получали более высокий статус: то ли их дар был сильнее изначально, то ли само наличие платы за обучение создавало фильтр отбора – мол, умные к ведьмам, а богатые и красивые – к людям. Факультет бытовой магии занимал прочное место почти у самого дна социальных рангов. Сюда шли на учебу дети из зажиточных семей, претендующие впоследствии отыскать хорошую работу или выгодную партию. Есть заклинания, эффективные даже без вложения силы, – и подобная наука вполне способна из обывателя сделать специалиста. В большинстве случаев выпускникам бытового обучения серьезные навыки и не требовались – лишь диплом о том, что девушка или юноша не совсем бездарь и умеет кое-что, неподвластное про-

стым смертным. Помимо прочего, этот факультет еще был и самым многочисленным: на мой взгляд, академия просто нашла способ отлично зарабатывать на амбициях купцов да дельцов.

Но если сам мой факультет парил примерно над нижайшим социальным рангом, то мое место на факультете прочно держалось в самом его низу. Ну просто не было здесь, кроме меня, учащихся, не способных потянуть такую оплату. Понятно мне это было и раньше, а теперь я все силы прилагала для того, чтобы никто не заподозрил во мне сельскую швею вместо избалованной любимицы состоятельной семьи.

– Такие маленькие комнаты?! – я постаралась удивиться уверенно, копируя интонацию Клариссы. Увидела одобрение какой-то девичьей стайки неподалеку, которые на то же высокомерие пока не осмелились, и еще решительнее добавила: – И здесь жить вдвоем?!

Показалось, что я все сделала верно – по крайней мере, в такт моим словам сразу закивало несколько голов. Но пожилая комендантша, представившаяся ранее госпожой Найо, придерживалась другой позиции:

– А-а, еще одна скандалистка? Зато вопрос с заселением решился. Других было жалко.

Комендантша погрузилась в свои записи и повела сверху по списку пальцем, остановилась на имени с огромной жирной галочкой рядом. Провозгласила с торжеством:

– Кларисса Реокка и Мия Майро живут здесь! Поздрав-

ляю с заселением, соседушки!

И пошла дальше, чтобы рассортировывать оставшийся список. Откуда-то сзади толпы раздался крик – он летел вперед носительницы и высекал себе путь в мою сторону, разгоняя студентов, как нос лодки волну.

– Чего?! – верещало вокруг оглушительно. – Это что еще за Реокка? Да что б я жила рядом с какой-то провинциалкой? Да что б я вообще с кем-то покои делила?! Эй ты, – это девица, похоже, пыталась снести звуком комендантшу, – ты знаешь, кто мой отец?!

Сотрудница уже миновала нашу дверь и следующую, а ответила, не удосужившись обернуться:

– Если возникнут вопросы, студентка Майро, то я с удовольствием расскажу, где можно забрать документы.

Руку даю на отсечение, что на этой фразе она тихо посмеивалась. И все остальные тут же примолкли и больше одобрительно не кивали – уже своими глазами увидели, что происходит с бунтарями и скандалистами: им этим смешливым тоном объясняют, как вылететь из академии, а принятого решения не меняют. А я, похоже, попала в неприятности – правда, еще не поняла, в какие именно, хотя начала догадываться… сложно не догадаться, когда перед тобой визжащий и плюющийся оскорблениями монстр, а все разумные существа спешат побыстрее отойти. Самые добрые из них напоследок еще и сочувственный взгляд мне бросили.

Не сдаваться! Никто на моем месте не имел бы права

сдаться от такой мелочи! Придется жить с клокочущим животным – буду жить. И, вообще-то, с любым можно найти общий язык – просто иногда нужно для этого сильно постараться. Я и начала стараться – улыбнулась широко и приветливо, еще раз произнесла имя Клариссы, представляясь уже конкретному человеку.

Мия оказалась невысокой и не слишком симпатичной брюнеткой, очень необычно одетой – и таких мне в столице видеть еще не доводилось. Как только она замерла на одном месте, чтобы окинуть меня презрением, я смогла ее немного разглядеть. Девушку зачем-то нарядили под зефирный торт – много, много розовой ткани, с трудом перетянутой на талии поясом, и от этой границы ткань перетекала в складочки и рюшечки, создавая невообразимый объем. Подол ее юбки от одного конца до другого потребовал бы не меньше трех больших шагов. Быть может, сама девушка была и не такой уж пухлой, как показалось на первый взгляд, но фасон делал из нее неповоротливое ватно-воздушное чудовище розового окраса. Я очень постаралась не содрогнуться, хотя и вылупилась на нее, соображая, как же бедняжке удастся пройти в комнату сквозь дверной проем вполне себе человеческих размеров. Надо же, я познакомилась всего с двумя высокомерными девицами, а их модные вкусы оказались прямо противоположными: почти обнаженная Кларисса никак не вязалась с этой бабой-тортом. Даже руки Мии были сплошь увешаны жемчужными браслетами – от запястий до плеч,

наслаиваясь друг на друга в некоторых местах. Возможно, на нее нацепили все украшения рода – и плевать, что тела для всего арсенала не хватило.

Справедливости ради стоит заметить, что брюнетка на меня смотрела с тем же ужасом. Хотя по моему заказу Кларисса все-таки согласилась на максимально простое платье в пол, но из очень дорогой ткани. Но для Мии зрелище оказалось выше ее возможностей восприятия:

– Нищенка?! – заголосила она. Боюсь, она вообще тихо разговаривать не умеет. – Ты вообще откуда взялась в приличном обществе?!

Я решила ничего отвечать. Мы явно с ней придерживались разных мнений по поводу общества, в котором оказались. Она из этого общества выбивалась похлеще меня! И наконец-то дошел смысл мести комендантши – она заранее себе отметила самую отшибленную особу из абитуриенток, и тут я такая – не вовремя характер решила продемонстрировать. Настолько сильно боялась, что меня сразу запишут в выскочки из бедноты, что предстала настоящей идиоткой, которую можно в одну комнату оформлять лишь с саблезубыми тиграми. Да, первая ошибка. Но я пока не унывала – подобных ошибок будет уйма, но важно, чтобы никакая из них не стала фатальной. А остальное выдержу. И даже попробую потом наладить какой-то разговор с сожительницей – ну, когда она все-таки перестанет вопить и появится хоть секундная пауза для реплики.

Я вошла в комнату первой, села на одну из кроватей. И почти сразу подскочила от рева, сопровождаемого звоном стекол:

– Почему ты на этой?! Это моя кровать!

Кровати были просты и абсолютно одинаковы. Никаких сомнений, что если бы я случайно заняла вторую, то реакция последовала бы та же. Не имело никакого значения – Мие просто необходимо голосить и качать права. Я все еще пыталась улыбаться, хотя голова от шума и усилий начала кружиться.

– Хорошо, занимай эту, – сказала как можно спокойнее и пересела.

– И этот шкаф мой! У тебя все равно нет вещей, нищенка! – продолжил торт сокрушать атмосферу.

Кларисса немного подготовила меня к общению с благородными отпрысками – так и говорила, чтобы я не сдавала позиций, иначе сожрут и не заметят. Но и на рожон лишний раз не лезть. Я не имела представлений, как в такой обстановке можно не сдавать позиций и не лезть на рожон, потому просто многозначительно перевела взгляд с одного шкафа на другой – дескать, подумай еще раз, глаза открой, здесь вся мебель дублируется: две кровати, два шкафа, два стола. Нам нечего делить и необязательно вот прямо сейчас вцепляться друг другу в глотки и драться до последней мебельной щепки. Еще раз: на один шкаф, на другой, на Мию, на шкаф, на другой, вкладывая сакральный смысл в этот мол-

чаливый подсчет. Мы, мол, вполне можем никого не убивать, пока не решим разделить, например, единственное окно. Но Мия, похоже, была не только слепа, но и тупа, потому что прямо сразу и начала делить все, что дележки не требовало:

– И не смей брать мои вещи, воровка! А то знаю я вас! У меня и тетради с тиснением, и перья от лучших мастеров! Только посмей тронуть – я вам всем быстро здесь напомню, кто мой отец!

Я закрыла глаза и взмолилась небесным духам. Кажется, ошибка, которую я вначале назвала мелкой, грозит стать настоящей катастрофой.

* * *

Под нескончаемые крики соседки я переоделась в темную академическую форму – она оказалась сразу в трех вариантах: пиджак можно было надеть с недлинной юбкой или брюками, а также прилагалось некое безобразие в виде узких обтягивающих штанов и приталенной рубашки без рукавов. Последнее, как предполагаю, предназначалось для ношения в свободное время или на спортивных уроках. На самом деле просто ужас – Клариссе точно понравилось бы, зато моя мама с сестрами в обморок могли рухнуть от такого непотребства. Я не рухнула лишь по одной причине – два месяца в столице меня немного подготовили к низкому уровню местных нравов. Мия продолжала сотрясать воздух никому

не нужными эпитетами, когда в комнату к нам заглянула комендантша – и я была счастлива ее видеть, поскольку это означало целых несколько секунд почти тишины.

– Уже познакомились, девушки? – женщина однозначно наслаждалась и вкладывала в эту фразу море сарказма. Ответа не дождалась, продолжая издеваться: – Поздравляю! В течение дня не забудьте зайти в библиотеку и получить пособия. Рядом столовая – туда по расписанию. Вечером разнесу постельное белье, дальше справитесь сами. Занятия начнутся со следующей недели – опаздывать нельзя, без веской причины одного опоздания хватит, чтобы вышвырнуть вас с факультета. Ну, в общем-то, и все. Добро пожаловать в магическую академию, барышни, где каждого рады встретить, но и с проводами церемониться не будут.

Я уверенно кивнула, заверяя ее молча: «Справимся! Ну, как минимум половина из нас», но комендантша отчего-то как записала меня в личности, не достойные ее доброты, так в том списке и оставила:

– Не подлизывайся, Кларисса! Я таких, как вы двое, на своем веку много повидала. Уже к концу первого семестра эта комната будет пустовать.

Намек я поняла, и звучал он крайне неприятно. Нельзя судить о человеке лишь по одной оброненной фразе! Хотя в случае Мии – по сотне оброненных фраз, а она только начала разгоняться… Я вспомнила о прямой спине и сложила руки на груди, а Клариссин тон прорезался в интонации сам,

ювелирно украшая ее нужной степенью ехидства:

– Госпожа Найо, вы намекаете, что меня отчислят или сама не выдержу таких условий жизни?

Она приняла мою позу – будто в зеркале отразила. И в тоне не проиграла:

– Зачем же намекать? Прямо говорю! Могла бы поставить все свои сбережения на эту ставку!

– Так поставьте, госпожа Найо, поставьте, – я продолжала провоцировать – не потому, что во мне был избыток высокомерия, просто только я из троих присутствующих понимала, насколько комендантша ошиблась в моей оценке, и мне терпеть подобное было невыносимо. – Но только ваша ставка не сыграет! Я сделаю все возможное, чтобы получить здесь полное образование!

– Все возможное, – передразнила она. – Просто твоего «возможного» не хватит. Вы же только возмущаться и умеете, а работать головой или руками – это уже другие возможности. Драконий гонор могут себя позволить только драконы. А для простых людей он фактически приговор!

Она точно зрелая женщина? Ведет себя как наивная склочная девчонка! И я не смогла промолчать, хотя и отвечала спокойно:

– А может, я и есть дракон, госпожа Найо? Может, мне как раз по статусу положен драконий гонор, и он мне не помешает, а только поможет? Где вы видели дракона, которого откуда-нибудь выгоняют, или который сам упустит добычу?

А учеба для меня и есть добыча!

На это она так расхохоталась… как, впрочем, хохотали все, перед кем я делала подобное заявление. Очень обидно. И в десятый раз ничуть не менее обидно, чем в первый. А вот дальнейшего я предвидеть не могла – женщина широко осклабилась и резко протянула ко мне руку, тыча пальцами в живот.

– По рукам, Кларисса! Спорим на пятьдесят золотых, что до следующего семестра ты не дотянешь?

Руку-то я пожала – почти бездумно и чтобы она перестала меня тыкать, притом недоуменно качала головой. Что же это за сделка такая? И где гарантии соблюдения? Если меня действительно вышвырнут – например, узнают, что никакая я не Кларисса – то как госпожа Найо долг взыщет? К родителям настоящей Клариссы прискачет и начнет заливать про этот нелепый разговор? Да кто ж ее слушать станет? Хотя само поведение великовозрастной дамы мне показалось по-детски игривым.

Госпожа Найо отняла руку и сосредоточенно подула на ладонь. А вот это что сейчас было? Я запоздало испугалась, так некстати вспомнив название учебного заведения. В голову-то как-то не пришло, что здесь те же ведьмы и могут работать в качестве служащих… Ой, мамочки, кажется, я случайно разорила семью Клариссы на настоящие пятьдесят монет, если все-таки проиграю. Это их не обанкротит, а пинок под зад мне все равно выпишут один и конкретный. Событие

я ошибкой не посчитала – наоборот, в случае, если возникнет желание сдаться, вспомню еще и об этом аргументе!

Комендантша махнула рукой, чуть развернулась для ухода, но, оказалось, она еще не закончила:

– Тогда усложню тебе задачу, Кларисса. – Она чуть подалась в сторону, чтобы взглянуть на временно притихшую и прислушивающуюся к нашему разговору Мию, и проблеяла: – Забыла сказать, девушки, гигиеническая комната этажом ниже, просторная и многоместная, но лучше занимать очередь заранее, если на этой неделе все-таки захотите помыться.

– Что?!! – ожила Мия. А меня от ее голоса качнуло вперед, почти в руки хохочущей комендантше. – Да вы здесь все спятили!

И госпожа на прощание совсем уж счастливо помахала мне рукой:

– Удачки, Кларисса! Приятного выживания!

Я схватилась за голову, поскольку мозг уже трещал от постоянных криков. Меня поселили не с человеком и даже не с тортом, как я ошибочно посчитала ранее, а с пороховой бочкой, которая постоянно горит и раз в пять минут взрывается, разнося все в радиусе городского квартала. Но даже если она выдохнется, то у госпожи Найо наверняка найдется еще сотня похожих «приятных» новостей, чтобы подлить Мие топлива.

Больше я просто не могла находиться в спальне. Схвати-

ла свои бумаги и побежала наружу. В самом крайнем случае найду где-нибудь в коридоре или под кустом место для спокойной ночевки. Мы-то, в отличие от этих вот, роскошью не избалованы! До наступления холодов я вполне могу вообще не посещать комнату. Но через несколько шагов меня снова настигло взрывной волной:

– Эй, лохушка, ты куда?!

– В библиотеку, – ответила я, поскольку все еще надеялась, что мое миролюбие когда-нибудь – ну хотя бы через пару лет – принесет свои плоды.

– Без меня?! Вздумала себе лучшие пособия заграбастать, чтобы мне осталась труха?! Ты знаешь, кто мой отец?!

Нет, пары лет явно не хватит. Я прибавила шага.

Глава 5

Я вылетела из нашего общежития и занырнула в учебный корпус, не оглядываясь. Розовое чудище неслось за мной почти шаг в шаг, хотя надо отдать должное его маневренности в настолько увесистом виде. Я бы в таком платье даже шага ступить не смогла.

В академии все было организовано для удобства – например, в гигантском здании запросто можно отыскать нужное направление по указателям и большим табличкам над дверями.

– Биб-ли-о… – прочитала я под нос и понеслась вправо, куда указывала стрелка.

К счастью, путь мой закончился действительно библиотекой, а не чем-нибудь иным с таким же началом. Об этом можно было догадаться по группам студентов, выходящих со стопками книг. И за шаг до цели я наконец-то испугалась. Все-таки не какая-нибудь торговая лавочка, а целое царство научных трудов. И как сориентироваться, если я даже слово «библиотека» по слогам не смогла быстро прочитать? А если придется заполнять какие-то бланки? Учителя Клариссы тренировали меня, но любому понятно, как неуверенно я держу перо и что пишу большими квадратными буквами, выводя каждую…

Вот на этом страхе я момент и упустила – дала Мие воз-

можность меня настигнуть. Но она не остановилась рядом, чтобы меня отчитать или в очередной раз наорать, а протаранила себе путь мимо прямо в арочный проем. Видимо, мы с ней соревновались, кто быстрее доберется до места. Я эту гонку себе иначе объясняла – не хотелось еще хоть сколь-нибудь длить наше пренеприятное общение.

Так, Лорка, спину прямо, подбородок выше! Если кто-то заметит твои заминки – делай вид, что очень разволновалась. И не их это вообще дело, с какой грамотностью девушки из провинций приезжают! Может, я все время провела на шикарных балах или отказывала тысяче женихов? Подбадривая себя подобными мыслями, я все-таки пошагала в библиотеку и заняла место в небольшой очереди перед высокой стойкой.

В том, что Мия и здесь устроит шум, даже не сомневалась. Библиотекари – невысокие молодые парни – оказались очень вежливыми, но и они через пару реплик начали содрогаться: то новая студентка себе место в очереди грудью пробила, невзирая на других ожидающих, то возмущалась, что ей не по статусу принимать потрепанное пособие. Она даже нашла что возразить на заверения сотрудников о том, что в приличных академиях по базовым дисциплинам выдают старые, вручную переписанные магами книги, а не дешевые переиздания без нужной ауры… Нет, Мие никакие доводы не казались разумными. Студенты между нами начали рассасываться – видимо, решили, что лучше явиться в дру-

гое время. Библиотекари становились все менее вежливыми. Одна я ничего не замечала – привыкла немного, смирилась. У меня-то была задача поважнее: я рассмотрела-таки бланк для заполнения и издали пыталась прочитать названия граф заранее, чтобы уже при свидетелях блеснуть «беглым пониманием», а заодно пальцем водила по стойке, представляя, как буду проставлять галочки.

Когда с Мией было покончено, то есть библиотекари в голос рявкнули на нее, чтобы выметалась и больше не показывалась, я неожиданно оказалась следующей. Мне передавали пособия, а я должна была в правильной графе поставить знак о получении, после чего внизу расписаться. И, конечно, времени подготовки не хватило, чтобы ничего не перепутать: физика магических существ сливалась для меня с физиологией и физическим воспитанием. Но ближайший библиотекарь лишь ткнул молча пальцем на графу – мол, не ту книгу отметила, и вернулся к разговору с коллегами:

– С ума сойти, какие экземпляры попадаются! Такую надо было к волкам на пару недель оформлять – те ее быстро дисциплине обучили бы!

– И уважению к старшим! – поддакнул его напарник.

Студенты, которые теперь выкарабкивались из шока и храбрее подбирались к стойке, тоже обсуждали явление чудища народу. А я все путалась и медлила с названиями предметов… И никто, вообще никто вокруг, не сосредоточил внимание на моих промахах, как и на том, что мне необходи-

мо долго вглядываться сначала в название учебника, шепча себе под нос, а потом искать графу! И на мое искреннее «спасибо» библиотекари, как один, вскинули руки и безмолвно указали – дескать, вот же, как нужно себя вести. Осознание, навалившееся на меня, было колоссальным: после Мии никто не разглядел во мне безграмотную дурочку, она буквально затмила собой все мои ошибки! Да после нее любой припадочный безумный выглядел бы образцом адекватности! И какие выводы мне надо сделать?

Мия, Миечка, любимая подружка, где ты? Мы теперь по всем отделам будем ходить парой и на учебе желательно вместе сидеть! Мы с тобой не разлей вода, краснощекий и розово-воздушный, визжащий и разносящий все вокруг поглотитель всех моих странностей! Да если я буду держаться к тебе ближе, меня даже не заметят. Будет сложно, я понимала это, но если одной хлопотой можно уладить десятки проблем, так почему нет?

Я бодро шагала обратно с тяжелой стопкой. Как внезапно мы поменялись ролями – теперь я пыталась разглядеть впереди и догнать Мию. Однако наткнулась на нее уже в холле перед выходом. Замерла и присмотрелась. Соседушка моя орала теперь на какую-то женщину – высокую и очень статную. Понятия не имею, что произошло до моего появления, но прямо сейчас Мия орудовала козырями:

– Да вы знаете, кто мой отец?!

– А ты знаешь, кто мой отец, милочка? – ответила жен-

щина ехидно и совсем не так же громко.

Она была невероятно худой и высокой, притом единственной, кто при встрече со взрывной волной не потерял самообладания. И в самой фразе этой содержалась какая-то тайная сила, вмиг охладившая Мию. Девушка буквально сжалась и проблеяла едва слышно:

– Кто?

Вот оно! Вот как на все ее однообразные вопросы и надо было отвечать, а никому и в голову не пришло поинтересоваться. И женщина взглядом ее втаптывала в пол:

– Полагаю, его фамилия Зинно, раз все меня по какому-то нелепому совпадению зовут госпожой Зинно.

Я не знаю свойств этого заклинания, но Мия охнула и еще сильнее сжалась. А потом пролепетала совсем уж невозможно вежливо – такого я от нее не ожидала:

– Простите, декан Зинно, бегу и под ноги не смотрю! Чуть с ног вас не снесла!

– Ну беги, беги. И помни, дорогуша, что всегда найдется рыбка покрупнее… – разрешила женщина, задумчиво развернулась вслед уносящейся Мие и добавила: – От меня далеко все равно не убежишь.

Я же лишь склонила голову и поздоровалась, про себя отметив две вещи: эта впечатляющая дама занимает какую-то высокую должность, потому безразлично, кем был ее отец; а также то, что она незамужняя, раз продолжает носить фамилию отца, а про старых дев еще моя мать утверждала –

мол, чем старше, тем злее. Она отозвалась на мое приветствие бездумно, даже не взглянув прямо в мою сторону – и снова это чудо прохождения любых испытаний вслед за Мией. Будем дружить, значит. Лишь бы меня по ошибке вслед за ней и из академии не вышвырнули, когда она всех окончательно достанет.

* * *

Признаю честно, никакого продвижения в отношениях с Мией за несколько дней я не добилась. Стоило мне только открыть рот, как сразу затем следовала лавина брани и криков – и все они начинались с того, по какому праву я вообще посчитала себя достойной обращаться к ней. Со временем я и перестала пытаться, тем самым отыскав другой путь – провоцировать Мию обращаться ко мне.

– Ты куда намылилась опять? – крик мне в спину.

– В столовую иду. Там же по расписанию!

– Ага! Хочешь занять сразу все лучшие места?!

Скажу так: теперь даже мне стало интересно, кто ее отец. В смысле, кто оказался настолько жалок, чтобы породить и воспитать такое безмозглое существо? Но выходить из себя было плохой стратегией, потому я настроилась отвечать только предельно спокойно:

– Именно так. И именно сразу все. Это же у меня одна юбка занимает весь коридор.

– Ты на что намекаешь, нищенка?!

– Только соседский совет даю. Глянь, Мия, уже все переоделись в выданную форму, и только ты торчишь…

– Я торчу?!

– Ты торчишь, как зефирный торт посреди леденцов.

Мия по пути в столовую все бухтела, но отчего-то потише. Похоже, она всерьез начала всматриваться в студентов вокруг и только теперь осознала, что кое-что упустила. Переодеваться не побежала, но я посчитала прогрессом даже факт осмысления.

Я предложила ей занять один столик, но Мия к тому времени ожила и заявила, что ей не по статусу обедать рядом с местной беднотой. Она сюда ведь не просто так явилась, а удачно выйти замуж за дракона. Ну и какой дракон снесет, если она будет якшаться с подобным мне отребьем?

Я только отмахнулась – пусть идет и за другой столик, и сразу замуж. Это ничего, что драконов еще даже не заселяли, потому в столовой можно было увидеть только ведьм, представителей нашего собственного факультета и, возможно, редких оборотней из низших рангов – по крайней мере, я слышала в библиотеке, что для них готовятся пособия. Притом абсолютно невозможно определить, кто есть кто, поскольку все наряжены в одинаковую форму или спортивные костюмы из того же набора. Разве что Мия умеет по взглядам определять, кто чей отец?

Видимо, она не умела, поскольку присела к стайке ры-

женьких девчонок. Даже мне было ясно, что эти – из ведьм, уж больно их осторожное внимание ко всему вокруг походило на мое. Или это просто ее протест против конкретной персоны? Так пусть протестует, жить-то нам все равно бок о бок.

* * *

Столовая в первое мое посещение была полупустой, но с каждым новым разом все более заполненной – думаю, здесь строго рассчитаны места по количеству студентов. И ее огромные размеры подсказывали, что учащихся в академии чрезвычайно много… Это одновременно пугало и обнадеживало – возможно, в такой мешанине будет проще затеряться. С меню я долго разбиралась, несмотря на то, что Кларисса в двух словах объяснила все варианты заказов в дорогих ресторанах. Оказалось, что местная столовая ориентировалась примерно на самые дорогие из них… Я сначала косо поглядывала, как поступают другие, затем открыла меню и повела пальцами по картинкам – кое-как вспомнила объяснение Клариссы, но больше полагалась на действия окружающих. Ткнула резко на какой-то суп – и через пять минут ко мне подлетела девушка с подносом, поставила на стол и так же молча улетела. Повторный заказ не удался, я не смогла добавить ни чай, ни травяную настойку. То есть на каждое посещение столовой давалась одна попытка. Суп оказал-

ся слишком жирным и сдобренным острыми пряностями, но я без аппетита поела, радуясь главному – еще одному удачному опыту. Ничего сложного! Оказывается, в жизни вообще нет ничего сложного, если пытаться и делать! Воодушевленно я изучала меню на будущее, чтобы в следующий раз заказать что-то более съедобное.

Уже за завтраком я до отвала наелась кукурузными лепешками и запила фруктовым соком. Вот это обслуживание! Да можно было поступать сюда лишь для того, чтобы хорошенько отъесться! Теперь в столовой и факультеты легче отличала – как раз по взглядам. Лишь ведьмы и я наслаждались и счастливо жмурились, все остальные принимали блюда как должное, а кто-то даже громко критиковал. Ой, о чем это я? Не кто-то, а только одна небезызвестная персона. Тогда я попыталась быстрее закончить трапезу и уйти из столовой, чтобы никто не догадался о моем знакомстве с главной скандалисткой.

В общем, отношения с Мией как пришли в тупик, так в нем и оставались. Быть может, я не прилагала достаточно усилий, поскольку мне и своих дел хватало – исследовать академию, прочитать все таблички над кабинетами, открыть учебные пособия и хотя бы начало освоить, лишний раз потренировав навык чтения. И чем сильнее приближалось первое учебное утро, тем сильнее я волновалась, – но это была приятная радость, я успела придумать ответы на любые вопросы о своей заторможенности, и, по моим прогнозам,

в худшем случае меня только высмеют. Подобное уж точно переживу.

Приготовила нужное с вечера – отметила про себя, что тетради, выданные мне Клариссой, выглядят ничуть не хуже, чем расхваленные у Мии, немного расстроилась, что форма немного помялась, а как привести вещи в порядок я пока не выяснила, и улеглась спать.

* * *

Как и было обещано еще комендантшей, утром нас разбудил колокол – после этого сигнала, слышного в любом закутке, у нас оставался час на сборы и завтрак. Времени достаточно, но мы с Мией подлетели и сразу погрузились в ненормальную спешку. Даже на ругань силы не потратили – что еще сказать о нашей взвинченности? Кстати говоря, Мия в школьной форме оказалась вовсе не толстушкой – вполне себе стройной девушкой с круглым личиком и выраженными изгибами фигуры. Все еще невысокая и довольно плотная, но я поразилась, как она умудрялась с помощью платьев и ночных сорочек примерно того же фасона себя уродовать. До этого знаменательного утра я пребывала в уверенности, что она в два раза толще моей мамы, родившей пятерых детей. И вот же… Ну, может, Мия тут и сможет выйти замуж. Не за дракона, конечно, но вероятность такая есть – особенно если избранник ее окажется полностью глухим.

Мия меня не ждала – она унеслась сразу к той аудитории, что была указана первой в нашем расписании. И очень многие следовали туда же – в учебный корпус. Видимо, они очень боялись опоздать на первое занятие и даже решили пожертвовать завтраком. Я же глянула на часы на башне и пожала плечами – времени еще тьма, а нужный класс я еще вчера отыскала. Зато на сытый желудок изображать из себя сытую и богатую особу будет попроще. Потому и занырнула в столовую – и она снова была полупустой, но теперь студенты рассаживались по всему помещению, а не только в десяти шагах от входа.

Уверена, в самом дальнем конце сидели драконы. Я так решила, поскольку там завтракала очень плотная компания, а все оборотни, как известно, предпочитают общаться со своими. С моего места было плохо видно, но, похоже, все девушки и юноши были брюнетами. Да и их количество подсказывало правильный вариант – только драконы сначала пойдут завтракать, а потом церемонно и неспешно отыщут нужную аудиторию, не боясь отчисления в случае задержки. Перед ними, ближе ко мне, скорее всего, разместились волки – тоже очень привилегированный факультет, но они уже выглядели более разномастными и шумными. Я так увлеклась, разглядывая неведомых для себя существ, что позабыла о времени. Вспомнила, когда ложка глухо стукнула о дно давно опустевшей тарелки. Я, разумеется, тут же побежала из столовой.

Если вначале мне толпа показалась многочисленной, то теперь я просто обмерла. Пораньше спешили миновать лестницу вверх к классам первокурсники, а сейчас к ним присоединились и все остальные студенты, и опаздывающие. Это была не просто гигантская волна народа, она выглядела еще и как скоростной живой поток, то есть если внедриться в течение, то надо бежать, иначе сметут.

Я и рванула по широкой лестнице, пытаясь ее миновать быстрее – дальше поток разойдется по нескольким направлениям, будет полегче. Но пока права на человечность не оставалось. Неподалеку с ног сбили какую-то девушку, она вскрикнула и упала, уронив тетради. Но поток и не подумал останавливаться, снося все на своем пути. Бедняжка. Кто ж ей виноват, что неповоротлива? Я по инерции сделала еще два шага и обернулась – просто не могла заставить себя сделать третий. Девчонку эту точно или покалечат, или не оставят ни одной целой ее тетради. А она все не могла подняться – и тогда я замерла в ужасе: похоже, она подвернула или сломала ногу на высоких ступенях.

Глянула с тоской наверх, сказала себе, что минутное промедление может стоить мне всей учебы. Сделала еще один шажок, а потом решительно развернулась обратно. Есть у меня цель, есть мечта, которая уже сбывается, а есть сама я – и вот эта я не может сделать вид, что не заметила чужой беды. Я подлетела к девушке, рванула ее за локоть вверх и чуть оттащила от основной толпы, ведь бежать, прижимаясь

тесно к перилам, невозможно.

– Ты как? – спросила громко. – Ногу подвернула?

Она была рыженькой и очень симпатичной. Но стояла молча, не отвечая на мой вопрос и хлопая большими зелеными глазами. Ведьма, должно быть, таких тут вообще за людей не считают. Убедившись, что она стоит на ногах, метнулась снова в гущу и, прикрывая голову, попыталась собрать ее вещи – нашла только учебник и пару тетрадей. Передала ей и снова спросила о самочувствии. И на этот раз она промолчала, с диким изумлением глядя на меня. Такое бывает от шока – я слыхала. Да что там слыхала, как-то раз в детстве я съехала попой по обмерзшему крыльцу, когда шла из дома одного заказчика, а потом от боли не то что слова, свое имя несколько минут сказать не могла. А может, я и ошиблась в предположении – она вряд ли ведьма. Скорее, столичная красотка. Это мы, деревенские, способны выживать в любой ситуации. Нас чтобы с ног снести – потребуется бык недюжинного размера. В селе даже детские игры были опасными для жизни: кого волнует, что ты девочка, если началась драка оглоблями? Кто там будет смотреть, успеваешь ли ты отплыть от места падения в воду, когда вся ребятня прыгает сверху? Помогут, конечно, если поранишься, но в таких забавах ты сам учишься избегать травм. Я в другом мире росла и в таких ситуациях куда жизнеспособнее, но ведь это не значит, что столичные девчонки не заслуживают помощи?

Потому я взяла ее за плечи и продолжала спрашивать. Ко-

гда отойдет – сможет хотя бы кивнуть.

Людской поток рядом редел, а это означало, что я упускаю последние секунды. И потому начала кричать – просто кричать в толпу в надежде, что кто-то ответит:

– Где здесь лекарь? Куда идти?

На вопрос никто не ответил, зато внимание я привлекла – несколько таких же рыжих парней и девушек почти сразу начали пробивать дорогу к нам. Один подбежал снизу, холодно отодвинул меня от пострадавшей и сам перехватил ее за плечо.

– Ты в порядке, Оли? Что случилось?

И ему она неожиданно ответила, причем сразу отчетливо:

– Нормально, братец. Но я запомнила запах той мрази, которая наступила мне на ногу, когда я уже упала. У меня сломана кость.

Он наклонился ниже, заглядывая ей в глаза:

– Клянусь, сестренка, та гнида пожалеет, что родилась на свет.

Она приподняла ногу, и я вскрикнула – увидела, как кожа на ее лодыжке вздулась, кость едва-едва не прорвала ткани. Ей должно быть невыносимо больно! Она и застонала, но притом напрягла ногу, и припухлость начала уходить. С ума сойти! Я стала свидетельницей самой настоящей трансформации оборотней. Они в силах управлять всем своим организмом, потому и излечить перелом – дело очень болезненное, но недолгое.

– А ты чего тут стоишь? – обратился парень ко мне. – Спасибо, можешь быть свободна.

Вот и вся благодарность. Наверняка и обратились-то ко мне, когда уже совсем перестало быть понятно мое внимание к происходящему, а так бы и слова не сказали – как на мои вопросы не отвечала рыжая девушка. Кто я такая, чтобы со мной тут разговоры вести?

Я коротко вдохнула и полетела вверх, проклиная свой приступ сострадания. Но притом понимала, что иначе все равно бы поступить не смогла. Ведь я не знала, что там не ведьма, не знала, что за все страдания Оли, как ее назвал брат, они пойдут мстить всем факультетом.

И, конечно, в аудиторию влетела несколькими секундами после сигнала начала урока. Перед высокой стойкой-трибуной стояла уже знакомая мне женщина – декан Зинно. Она прервала приветственную речь и посмотрела на меня. Уже во взгляде я прочитала приговор. А в тоне его было в переизбытке:

– Добро пожаловать на первый урок, Кларисса Реокка. – Имя было написано на лацкане пиджака, но я не имею представления, как с такого расстояния его можно прочитать. – И прощай, Кларисса Реокка. Я терпеть не могу опоздания. Но опоздать на первое же занятие…

Фразу она не договорила, смысл всем был ясен. На меня смотрели с первых парт сочувственно – но и они почти сразу опустили глаза вниз, чтобы заодно на наказание не попасть

или не быть заподозренным в лояльном отношении к злостным нарушителям. Провал. Вот столько всего пережить и провалиться на такой мелочи. Я решила хотя бы попытаться:

– Позвольте, я объясню!

– Не надо, – прервала она вскинутой рукой. – Вижу, что ты жива и здорова. Какие еще нужны объяснения?

Конец моей счастливой истории. Меня выгнали даже быстрее, чем невыносимую Мию. Хотя о чем я говорю? Мия ни за что бы не бросилась кого-то спасать, рискуя всем. Меня вышвырнули за то, кто я есть. В этом тоже заложена справедливость. Жаль, Кларисса такую точку зрения разделить не сможет.

Глава 6

Я старалась не терять самообладания, но выходило плохо. Следовало больше не унижаться и уйти, но возможности я не видела. И дело было вовсе не в том, что я еще искала шанс как-то переубедить госпожу Зинно. Совсем напротив, я уже целиком прочувствовала финал. Но пойти и забрать документы я попросту не могла – в канцелярию должна явиться Кларисса собственной персоной. Старик уж точно вспомнит мое лицо, как может вспомнить и другое имя. С территории академии студентов выпускают лишь раз в неделю – в законный выходной, для чего нужно предъявить специальную карту учащегося. Карта-то у меня имелась, но никаких разрешений на выход в будний день. То есть мне нужно или разрешение от профессорско-преподавательского состава, или все документы – а их получит только Кларисса. Да, мы с ней как-то этот момент не продумали, даже она в своей истеричной апатии не планировала, что меня вышвырнут по моему проступку, а не из-за раскрытия обмана. Вышло так, что я готова была сдаться, но по определенным обстоятельствам не было никакой возможности прямо сейчас принять поражение. Потому потопталась перед хлопнувшей дверью аудитории и отправилась гулять по коридору и придумывать дальнейшие действия.

В самом крайнем случае я смогу выбраться отсюда в вы-

ходной, а потом уже Кларисса вернется в канцелярию. Или меня вычеркнут из списков, и тогда декан Зинно не поленится доставить мне бумаги, чтобы они в центральные ворота полетели вслед за мной. Думать о том, что буду делать дальше, я физически не могла – все так же без гроша в кармане, но получившая новые знания, в родное село я не вернусь. Не рыдать, Лорка, только не рыдать! В сложной ситуации нет ничего хуже, чем расклеиться – тогда ты и соображать перестанешь, и если подвернется какая-то работенка в столице, то ты ее пропустишь, слезливая тряпка.

К сожалению, судьба не была ко мне милостива: несколько прошедших мимо профессоров и студентов только посмотрели на меня равнодушно, но когда я подошла к знакомой лестнице, снизу нарисовалось знакомое лицо – комендантша, как будто умела читать мысли, уже издали начала широченно улыбаться. Я в растерянности не успела среагировать, а так обязательно улизнула бы.

– Доброе утро, госпожа Найо, – я решила, что вежливостью смогу предотвратить желание расспрашивать.

Не помогло, или женщина уже знала о произошедшем:

– О, дорогая Кларисса, почти драконица, для которой учеба – добыча! – она привычно издевалась. – Почему ты не на лекции? Неужели тебя отправили принести какие-то пособия? Или, – она сделала многозначительную паузу, – тебя отправили в более приятном для меня смысле?

Не рыдать! Да что ж эта муть-то на глаза наворачивается?

Но я вскинулась и ответила как можно отчетливее:

– Боюсь, вы правы, госпожа Найо. И не нужно так торжествовать. Мне и без того несладко.

Возможно, мне нужна была хоть капля сострадания, хотя я ее не от того человека ждала – комендантша громко расхохоталась, аж стены эхом отозвались. Мне стало неловко за нас обеих, особенно когда прохожие уже внимательнее начали поглядывать в нашу сторону.

– Про должок-то помнишь, недодракон? – госпожа Найо только набиралась яда. – Неплохая прибавка к моему жалованью!

– Рассчитаюсь при первой возможности, – честно ответила я. И не добавила вслух, что такой возможности у меня в ближайшие пару жизней не предвидится. Решила аккуратно уточнить: – Кстати, а что будет, если не рассчитаюсь?

Ее веселило буквально все, а злобное счастье от чужой беды меня так раздражало, что и плакать расхотелось.

– Решила обмануть потомственную ведьму, милочка? – спрашивала женщина сквозь смех. – Так не волнуйся – из-под земли достану. Или проклятье вслед наложу, чтобы точно о долге не забыла!

– Ведьма? Могла бы и сразу догадаться, – я буркнула себе под нос. И стало немного страшно – видимо, поговорить с Клариссой и об этом проколе придется. Если, конечно, та меня после новости о первом на месте не прибьет. – Госпожа Найо, а может, это вы меня и сглазили? Потому что я иначе

несчастное совпадение сегодня объяснить не могу!

– А ты повтори еще раз, и точно сглаз получишь! – пригрозила она. – Ты меня в нечестности обвиняешь?

– Ни в коем случае, – опомнилась я. И да, если уж говорить о вранье, то я здесь на первых ролях фигурировала бы. – Только прошу вас дать мне некоторое время на сбор денег…

– Дам-дам! – она отмахнулась. – Я же не мстительная колдунья из лесов, а цивилизованная столичная леди! – Честно признаться, все ее поведение говорило об обратном, но я не стала перебивать. – Да ведь это событие! Знаешь ли, Кларисса, что ты первая здесь, кто назвала себя драконом и кого вышвырнули как бездомную собачонку? Считай личной победой!

Я от ярости заскрипела зубами:

– Вам бы, уважаемая госпожа, клоунессой в выездном театре служить, а не комендантом. Так смешно вы шутите!

– А что, – она вроде бы не обиделась, – я-то и клоунессой смогла бы. Я все могу! В отличие от тех, кто окромя гонора ничего в загашнике не имеет!

Опять она за свое…

– Вы ошиблись на мой счет! – я тоже невольно подняла тон. Кажется, мы уже совсем неприлично кричали. – Я, между прочим, тоже многое умею! И от работы ни разу не отказывалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.